

Анна
Дубчак

Смертельный
поцелуй

«Она играла что-то бесконечно
печальное, но не невозное
постоянной мелодии...
Так поет осенняя дождь,
когда ему особенно грустно».

Анна Дубчак

**Крюк, или Анданте для одной
молодой женщины, двух мертвых
бабочек и нескольких мужчин**

«Автор»

Дубчак А.

Крюк, или Анданте для одной молодой женщины, двух мертвых бабочек и нескольких мужчин / А. Дубчак — «Автор»,

Рассказ из авторского сборника Анны Дубчак «Смертельный поцелуй».

Анна Дубчак

Крюк, или Анданте для одной молодой женщины, двух мертвых бабочек и нескольких мужчин

– Я же тебя просила, – сказала она с дрожью в голосе, – я просила тебя сделать одну-единственную вещь: прибить крюк! Хорошо, если так, то я сделаю это сама, без твоей помощи...

Ольга швырнула сумки в угол прихожей, сняла туфли и полезла на антресоль за молотком. Но молотка на антресоли не оказалось, как не оказалось ни гвоздей, ничего... Она с ненавистью посмотрела на лежащего на диване мужа и в бессилии сжала кулаки. «Если бы я сейчас нашла молоток, я бы, пожалуй, смогла бы его убить... Тюкнуть по голове разок, и все. И кончились бы сразу все мои унижения, просьбы, скандалы, все кончилось бы... Атруп спрятала бы так, что ни одна живая душа на всем белом свете не разыскала... Закопала бы на клумбе в городском парке... Просто надо все хорошенько продумать...»

Представив холмик на засаженной розами клумбе, она передернула плечами и ушла на кухню. Потом вспомнила, что сумки остались в прихожей, и вернулась. Муж к этому времени уже поднялся с дивана и полез под него в поисках тапочек. Он вообще странный человек, этот муж: постоянно делает совершенно бессмысленные механические действия, а потом сам же и расплачивается за свою бестолковость. К примеру, эти же тапки, будь они неладны! Он снимает их всегда в одном и том же месте, потом почему-то в носках подходит к телевизору, включает его, а когда подходит к дивану, то машинально зашвыривает их далеко к стене, чтобы потом ползать в пыли под этим самым диваном... Тьфу!.. Хорошо еще, если рука дотягивается, а если нет, то он идет в носках на кухню за бельевыми щипцами и корячится с ними... Противно смотреть!

Муж достал тапки, надел их и подошел к Ольге. Он уже раскрыл рот, чтобы что-то сказать, как услышал:

– Нет! Вот только этого не надо! И не говори мне ничего, пожалуйста, про Киселева! – Ольга зажала ладонями уши. – И слышать ничего не желаю! Я тебе еще в прошлом году твердила: не можешь с ним сработаться – увольняйся к чертовой матери! Все! И кроме того, – она бросила на мужа презрительный взгляд, – ты – совершенное ничтожество, и я каждый вечер собираюсь тебе сказать об этом.

– А почему, собственно, именно вечером? – муж смотрит куда-то в пространство; думает о чем-то своем; он постоянно думает, словно ему больше делать нечего.

– Потому... да потому, что ты мне утром еще противнее, чем вечером... Я ненавижу тебя, твою зеленую пижаму, твои вечно теряющиеся очки, твои тапки, за которыми ты ползаешь, как идиот, твой куцый берет... Я устала, я не хочу жить так, понимаешь?! Не хочу!!! Когда я была еще совсем девочкой, – начинает она свою обычную вечернюю песню, – я мечтала о том, как мы вместе с мужем будем слушать Моцарта, ходить на концерты, выставки, как мы будем любить друг друга... Ты действительно меня не понимаешь?

Он отвечает: «Нет», – и уходит обратно в комнату, ложится на диван, потом, вспомнив, включает телевизор и зашвыривает тапки под диван.

Она входит следом и опускается рядом:

– Почему ты не подошел, когда я звала тебя с улицы? Тебе что, трудно было подойти к балкону и послушать? Я тащила на восьмой этаж эти тяжелейшие сумки, а ты в это время валялся!

– Извини, но я действительно ничего не слышал.

В ванной, оставшись наедине с собой, она обматывает голову белым вафельным полотенцем и принимается смывать с себя городскую пыль, копоть, грязь, пот и все то, что въедается в кожу, стоит только высунуть нос из дому. Особенно в автобусе, где все вокруг чихают, сморкаются, дышат, наконец... Где в единственное открытое окно вместо чистого воздуха врываются бензиновые пары и грязь, летящая из-под колес проходящего мимо транспорта.

Она срывает с себя тесный пояс, прозрачные, совсем новенькие утром и уже порванные чулки, расстегивает кофту, стягивает юбку и запихивает все это в стиральную машину. Почувствовав рукой, как теплеет в кране вода, она, не дожидаясь, пока ванна наполнится, забирается в нее и, сладостно покрываясь приятнейшей гусиной кожей, млеет от тепла, от предчувствия близкой чистоты и свежести.

Мокрой рукой она снимает с полки журнал комиксов, неизвестно, как вообще оказавшийся в квартире, где никогда не было детей, и начинает вслух декламировать какие-то бредовые стишки пятилетней Оксаны Петровой из Кишинева. Вода постепенно обволакивает все тело; забывается собственный монолог, звучавший еще совсем недавно в прихожей и свидетельствующий о том, что она уже вернулась с работы, и что жизнь не стоит таких усилий, какие она прилагает к тому, чтобы в результате получить... Нет, стоп, пора остановиться. Это может продолжаться до бесконечности. Итак, сейчас она полежит-полежит да и пойдет на кухню готовить ужин. Сергей сделает вид, что он ничего не слышал, забудет, что он подлец и негодяй, каким только что выступал в ее монологе, и все наладится. Они мирно съедят вдвоем полкило селедки с луком, картошку, запьют свой нехитрый ужин чаем и расползутся по одной-единственной комнате в поисках уютного местечка, куда можно завалиться с книжкой или просто отдаться мелькающему экрану...

Ночью, повернувшись друг к другу спиной, они сначала будут долго ворочаться, что-то шептать-бормотать, а потом, конечно, уснут. Куда же им деваться-то на самом деле?...

– Я же тебя просила, – сказала Ольга уже за столом, но уже более миролюбивым тоном, – неужели так трудно прибить крючок для сумок? Не могу я каждый день, каждый раз ставить сумку на пол, он не всегда чистый. А вот был бы крючок помассивнее – ты же знаешь, с какими сумками я всегда возвращаюсь – глядишь, и сумка была бы чище, и не так бы трепалась от стирок, а то к осени опять новую придется покупать...

Она говорила и понимала, что даже движение ее губ, сам процесс разговора не стоит усилий: все бессмысленно, все, как в песок, уходит в пустоту...

– Тебе действительно это так необходимо? – спросил вдруг Сергей.

– Во как! – и Ольга провела ребром ладони по горлу.

Вечером следующего дня она напрочь забыла о крючке. Вернее сказать, она просто о нем не думала. Дело в том, что она познакомилась в автобусе с молодым симпатичным мужчиной и дала ему свой рабочий телефон. Теперь она жалела об этом. И не потому, что ее мучили угрызения совести. Нет, просто она вдруг представила себе, что рано или поздно ей придется идти на свидание с этим незнакомцем, с этим потенциальным любовником, а у нее и надеть нечего – все штопано-перештопано... А духи? Сейчас бы сошла и пошловатая, претенциозная «Маже нуар» и даже приторный «Пуазон», но где их взять? На что можно рассчитывать, так это на единственный, на все случаи жизни, серый костюм в полоску да белую блузку с кружевами. Все. Кроме того, если учесть, что она вечно опаздывает, то придется брать такси, а это уже столик. Вот и спрашивается, зачем она дала этому типу свой рабочий телефон? Потому что дура. И вообще, надо будет предупредить завтра Татьяну, чтоб всем, кто будет ей звонить, отвечала, будто ее нет и не будет в ближайшие два года... Может, отвяжется?

Но это она сейчас рассуждала так легко, хотя и несколько истерично о предстоящем романе. На самом деле, ни одного романа с тех пор, как она надела белые свадебные перчатки, не было. Пожалуй, это была та единственная граница, которую она так и не смогла перейти.

Воспитанная на вежливости, в семье, где бранное слово можно было услышать разве что от случайных гостей или соседей, Ольга за три года замужества научилась злобно дерзить, отчаянно материться и открыла в себе талант строить мелкие козни почти на уровне гениальности, как она сама считала. Но нельзя сказать, что это приносило ей хоть какое-то удовлетворение. Нет! Как раз наоборот. Но – слово было сказано, дело сделано, негодяй наказан – назад ничего не вернешь. В музыкальной школе, где она работала, никому бы и в голову не пришло, что за внешне очень спокойной и уравновешенной молодой женщиной скрывается такое пакостное существо (какой она сама себя откровенно признавала). Она упорно продолжала изводить своего молчаливого и незлобивого мужа до тех пор, пока сама, наконец, не поняла: все, что она сейчас говорит и еще скажет, – форменная глупость, ничего серьезного за этими словами не стоит, и вообще – не такой уж он и «бездельник», «теленочек» и «ничтожество». Словом, есть мужья и похуже...

Поэтому иногда, параллельно с битьем посуды, судорожными всхлипываниями по поводу неудачного замужества, она вдруг вспоминала, каким прекрасным и нежным бывал раньше ее Сергей. Пожалуй, есть немало женщин, которые, пожалуй, бросили бы целый выводок детей, дом, машину и дачу, чтобы только заполучить его себе в мужья. Этот странный и неожиданный процесс слияния оскорбленной и внезапно нахлынувшей любви она приписывала своей неуравновешенной натуре, склонной к истерии...

Так вот, об этой самой границе, которую она так и не перешагнула. Почему? Не хотела, вот и все. Ей казалось, что после того, как она изменит Сергею, ее жизнь вообще потеряет всякий смысл. Ведь жить без мужа и довольствоваться свиданиями с разными мужчинами может далеко не любая женщина. А для нее это будет конец – она потеряется в пестрых, воспаленных анфиладах собственных страстей и жалости, она обескровится и побледнеет, отдав каждому любовнику часть себя; она забудет, что на свете настоящее, а что – нет; она привыкнет ко лжи чужой и ко лжи собственной; ей некому будет поплакаться «в жилетку» и некому ей будет поставить горчичник или просто забинтовать палец; она станет общей, общественной, а, значит, ничьей. Участь таких женщин представлялась ей именно такой, и поэтому, что бы она ни говорила в запальчивости своему мужу, изменять она ему не собиралась (во всяком случае, практически). А уж что было (и кто был) в ее фантазиях – принадлежало только ей.

То же касалось и ее снов. Иногда утром, после совершенно безумной ночи, проведенной во сне с каким-нибудь бесплотным мужчиной, она со страхом и ужасом вглядывалась в спокойное лицо Сергея в надежде убедиться – вот он, муж, находящийся все это время в каких-то пяти сантиметрах от нее... Скорее всего, он ничего не слышал, но, для пущей убедительности, она все-таки спрашивала его: «Скажи, я не разговаривала сейчас во сне?» Он всегда отвечал приблизительно так: «Нет» или: «Ты просила меня отодвинуться, потому что я закрываю тебе вид на остров». (Ох, эти острова... Она улыбалась во сне, когда видела острова. И что это за острова? Никто не знает...) Она не верила ему и хмыкала в ответ: «Это, наверное, ты задел меня своим костлявым локтем». И тогда он спрашивал, глядя в ее зеркальные, с глянцевой черной лужицей посередине, глаза: «Что с тобой, Оля?» И она отвечала: «Я не выспалась. Отстань от меня...» И ей хотелось плакать.

Когда начался весь этот ад? Она уже и не помнила. Ей казалось, он длится уже всю жизнь и никогда не прекратится. Однажды она спросила Сергея: «Как ты думаешь, изверг, Бог забрет меня в рай за все муки с тобой? Или он такой же, как ты, и отправит меня в ад жариться в собственном соку на сковородке, считая только меня виноватой в нашей междуособице?» Он мог бы ей, конечно, ответить, что она просто-напросто не поместится на сковородку (хотя, кто знает, какие в аду сковородки?), но он уверенно, не задумываясь, ответил: «В рай! Конечно, в рай. Но так будет, слава Богу, не скоро». Но вот с каким выражением он это сказал – с сожалением или наоборот – она не поняла...

Она поднималась по лестнице, волоча за собой выдавшую виды хозяйственную сумку, нагруженную продуктами: банка клубничного джема, редиска, салат и пакеты с молоком. Ей уже не хотелось вспоминать о своем новом знакомом, которому она дала телефон, и, задумавшись на минуточку перед дверью обо всем сразу, она открыла дверь своим ключом.

Сначала она ничего не поняла, а когда поняла, было уже поздно – каблук плотно застрял на пороге между кривыми зубьями прибитых прямо к паркету, очень часто, металлических крючков. Да, весь пол был утыкан крюками. Так же садистски оцетинились и стены. Ольга задрала голову к потолку и увидела высоко над дверью огромный, должно быть чугунный, крюк. Он был совсем новый и поблескивал в полумраке свежей смазкой. Ольга с трудом выбралась за порог и, бросив на бетонный пол подъезда сумку, захлопнула дверь...

...Она открыла глаза. Ослепительное солнце заливало скамейку в городском парке. На скамейке сидела она, Ольга. Но, странное дело – Ольга чувствовала себя одновременно сидящей на этой скамейке и видевшей себя со стороны, откуда-то сверху. Эта двойственность ее совершенно не удивила. Наоборот, ей казалось очень приятным вот так посмотреть на себя со стороны. Серое легкое платье из матового шелка, маленькие черные замшевые туфли, волосы, сколотые сбоку черной же искусственной жемчужиной. Вид отдохнувший, вполне здоровый. Она понравилась себе. Да! Еще две серые перламутровые бабочки вместо серег... Как интересно...

– Они настоящие? – подумала она вслух.

– Настоящие. Из краеведческого музея, – был ответ.

– С кем имею честь разговаривать?

– Просто мужчина. Хожу, вот, гуляю, дышу, так сказать, свежим воздухом...

– Почему же я вас не вижу?

– Вы видели меня сотни раз. Я похож на всех мужчин разом, такой, как все. Да и вообще, меня не обязательно видеть.

– А откуда вы знаете, что бабочки настоящие?

– Я как раз был на той выставке, на прошлой неделе... Вы тогда еще остановились перед стендом с тропическими бабочками и сказали, что все живое в природе обладает хорошим вкусом...

– Что, прямо так и сказала?

– Да – обладает хорошим вкусом. И что при выборе цветовой гаммы для своего следующего платья вы обязательно используете естественную окраску бабочек.

– Но при чем же здесь эти бабочки? – она тронула мочки ушей и убедилась, что это не мираж. Потом посмотрела на кончики пальцев: на них остался след серебристой пыльцы.

– Вы просто разбили витрину и взяли пару приглянувшихся вам бабочек, – продолжал между тем незнакомец.

– Да? И меня никто не задержал?

– Музей был пуст. Туда редко кто ходит.

– А как же смотрительницы?

– Они уволились – там платят мало.

– Какая грустная история.

Глубокий вырез платья позволял горячим лучам ласкать кожу.

– Я слышу музыку, – восторженно сказала Ольга. – Это «Анданте» Моцарта. Боже мой, как хорошо, тепло... Вы меня слышите?

– Слышу. С чего вы взяли, что это Моцарт?

– Сама не знаю – просто сказала, и все... И не придирайтесь. Бог мой, какая длинная аллея и все кругом в цвету... Скажите, это рай? Мне снится рай?

– Это «Анданте для одной молодой женщины, двух мертвых бабочек и нескольких мужчин».

– По-моему, вы сумасшедший. Разве может быть такое название у Моцарта?

– А вы спросите у него самого.

– Я еще пока в своем уме: его, к сожалению, уже давным-давно нет. Бог его прибрал, когда он был еще совсем молодым... Хорошие люди почему-то очень мало живут.

В то же мгновение музыка стала чуть громче, а парк словно пробудился, ожил, зашелестел листьями и лепестками цветов. Звонче зажурчал фонтан, слышнее стало пение птиц: **ПО АЛЛЕЕ ШЕЛ МОЦАРТ!**

Голубой пышный парик его отливал золотом, солнце буквально купалось в его завитой шевелюре. Светлый атласный костюм, сафьяновые башмаки с серебряными пряжками, шелковые чулки; дерзкая улыбка и рассеянный взгляд немного косивших глаз. Увидев Ольгу, сидящую на скамейке, он хлопнул себя по бедру, остановился, сделал приятно удивленное лицо, так, словно повстречал свою старую приятельницу, и галантно поклонился. В прозрачной тишине аллеи раздалась немецкая речь. Моцарт явно обращался к Ольге, но она не могла ничего понять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.